

На заре

На землю пали сумерки. В лесу они заметнее. Ветер прошелся по макушкам деревьев — они сперва задепегали, как дети, несвязно, а потом зашумели, загудели. Ветер подул сильнее. Пламя костра бросалось из стороны в сторону, на лету схватывая красным языком то сухой хворост, то серый дымящийся мох. Вокруг между деревьями не устанавливались мятущиеся фантастические тени.

Виктору языки огня казались то прямыми клинками, то изогнутыми, с синевой, старинными саблями. Вспомнился удалой атаман Ермак. И в глубине души уже началась петая-перепетая песня:

«...И беспрерывно гром гремел, и ветры в дебрях бушевали...»

— Что ж ты мурлычешь? Песня простор любит, — заметил один из сидящих вокруг костра лесорубов. — Ты начни, а мы подтянем. Время есть, пока машину подадут.

Виктор расстегнул ворот рубашки.

«Ревела буря, дождь шумел...»

Голос у него сильный, юношески чистый. Дружно подхватив песню, лесорубы вскоре один за другим смолкли. Устыдились своих натруженных с хрипотцой голосов. Виктор пел один, смотрел на клинки пламени и пел.

— Да ты, брат, птаха! — восхищенно заметил бригадир. — Тебе, брат, не топором мазать — в театрах заливать.

Все дружно подхватили: соловей и только. Не слышали в бригаде, чтобы Виктор так искусно пел. Мурлыкать — мурлыкал под нос, а тут взял да и удивил. Ни дать ни взять — певец незаурядный. Здесь, у костра решили судьбу парня:

завтра же к заведующему клубом лесопункта ему идти, таланты свои показать. Тот не зря учен, в музыке и пении знает толк. Может, лесорубу прямая дорога в «школу певцов»?

Виктор лежал, облокотясь, задумчиво смотрел в ночную темь и снисходительно, грустно улыбался: «Добрые они, лесорубы. Перепела за соловья приняли. Не слышали настоящих певцов в этой лесной глуши».

Сам он, Виктор, окончил десятилетку на Могилевщине, в родной деревне Забычанье, но в Могилеве бывал, видал и слышал артистов. Вот те пели — это да, аж дрожь по коже! Но чтоб не обидеть товарищей, можно сходить.

Назавтра он предстал перед признанным в лесопункте знатоком искусств Ароном Росликом. Тот долго не мог понять, зачем пожаловал к нему незванный гость.

— Поешь? Пробовал, когда работал заведующим избой-читальней? Ну так что? У нас в клубе платных должностей, кроме моей, нет. Или ты на мое место метишь? Ах, чтоб я послушал тебя? Это можно. Валий.

Самолюбие Виктора было уязвлено. Он стал петь. Рослик слушал сосредоточенно, внимательно, для важности умно сощурил глаз, в упор разглядывал, как раздевал, поющего: лицо широкое, скуластое, волосы темно-русые, переходящие в чернь, под тонкой ситцевой рубашкой выпирает мускулистая грудь.

— Сильный хлопец, — усмехнулся Рослик. — Слышь, зяб-

лик, остановись-ка. Ишь, расквасался — не унять, — и, подумав, авторитетно прибавил: — Знаешь такую половицу: «Рожденный ползать, летать не мо-о-жет?» Иди-ка ты лес рубить. У меня все, не задерживаю.

— Почему?

— Силы чересчур много. Не поешь ты, а орешь. Не огорчайся. Такому богатырю рубить лес — вернее.

Виктор сник, стемнел в лице. Даже забыл прикрыть за собою дверь.

— Выше голову, лесоруб! — напутственно крикнул ему вслед экзаменатор.

Виктор не обернулся, к сожалению, — он увидел бы на лице Рослика издевательскую улыбку превосходства, догадался бы, что тот оценил его по-настоящему и, вероятно, увидел в нем опасного соперника.

Виктор ушел на делянку и, сбросив рубаху, зло рубил сплеча дерево за деревом.

— Это, брат, не плохо — в работе злость срывать, — заметил ему бригадир. — А я грешным делом подумал, что ты на пивную нацелишься. Наклонней топор держи — глубже врубается. А то давай-ка электропилой попробуем?..

Если раньше Виктор под нос мурлыкал, стеснялся петь громко, то теперь совсем замолчал — стыдно лесорубам в глаза взглянуть. Не посмея-

Окончание на 3 стр.

[Окончание. Начало на 1-й стр.]

лись ли товарищи по работе, выпроводив его к Арону Рослику? Но не петь он уже не мог. Всякая привычка с течением времени превращается в потребность. Вечерами после работы Виктор уходил на берег реки, подальше от поселка, и давал волю рвущейся из сердца песне.

«Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночь осенняя...»

Голос креп, из юношеского альты преобразался в баритон. Виктору шел уже девятнадцатый. Ладно скроенный, наделенный большой физической силой, он работал без усталости, быстро и ловко. Но из леса потянуло куда-то. Захотелось вдруг учиться, да так захотелось, что казалось, если через месяц он не будет за университетским столом — не выдюжит, помрет.

На вступительных экзаменах лесоруб провалился с треском: школьные знания, не очень прочные и полные, выветрились. Хоть бы кто-нибудь поддержал его в эту минуту! Но в Минске не было ни родных, ни близких, ни знакомых.

Виктор и сам не заметил, как очутился в компании любителей выпивки. Водка слабо

действовала на богатырский организм его, и он пил стакан за стаканом.

— Витенька, душа моя, да ты ангел, тебя совсем не берет. Плюй на все. Ценители! Ты нам спой, мы оценим... Мы — ц-ц-ценители! Дай я тебе поцелую! Дай руку! На всю жизнь!..

Хмель, наконец, ударил в голову. Виктор легонько отстранил от себя исходящих нежностью поклонников, выпрямился:

— А что, думаете, не спою?!

«Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночь осенняя...»

Песня, печальная. Ребятам взгрустнулось.

— Повеселей бы, Виктор...

«Вдоль по Питерской,
По Тверской, Ямской...»

Тесна маленькая комната для большой крылатой песни — рвется за стены, в окно.

В дверь постучали. Женщины, заинтересившись, застенчиво улыбнулась и сказала:

— Здесь только что пел кто-то. Я бы хотела с ним поговорить.

Глаза у женщины умные, глаза ласковые, добрые — такую обидеть нельзя. Виктор встал.

— Вы? Голос у вас хороший, — похвалила она и пояснила: — Преподаю в музыкальном училище.

— Я раз уже хвалением был, — горько проговорил Виктор, — на похвале ожегся, теперь вот, видите, водку дую.

— А вы-то сами понимаете, что у вас за голос?

— Думал сперва, что есть что-то. Да это «что-то» кваканьем назвали.

— Пожалуйста, спойте еще. То, что любите. А я проаккомпанирую на пианино. Это здесь, рядом, в соседней комнате.

Хмель уходил. Зло оглядев случайных собутыльников, Виктор смущенно шагнул за женщиной.

— Петь, так петь — под аккомпанемент.

Виктор спел несколько песен. Женщина аккомпанировала. Она не разглядывала певца, как Арон Рослик, вся ушла в слух, не останавливала его. А когда он сказал: «Все!», — ласково улыбнулась, как давнишний знакомый, и просительно заметила:

— Пить спиртное вам, молодой человек, нельзя: вы можете погубить прекрасный голос. У вас профессиональный голос. Чудесный тембр. Сценическая внешность. Это очень хорошо. С большим бы удовольствием давала вам уроки.

За какие-то несколько минут Виктор отрезвел настолько, что стыдился встретиться глазами с аккомпаниатором.

— Ну, так как, молодой человек?

— У меня же денег нет, последние... пропил.

— Вы меня не так поняли. Деньги тут ни при чем.

С этого дня жизнь Виктора перевернулась. Даже не верилось ему, что Елена Эдмундовна Ширейко, преподавательница музыкального училища, возится с ним всерьез.

— Да я не боюсь, что вы! — уверял он ее.

— Нет, вам мешает робость, — внушала она. — Чувствуется некоторая скованность.

Уже на первом уроке она подчеркнула, что настоящим певцом можно стать лишь после трудной работы над собой, что без веры в себя, в свой талант всякая работа безрезультатна.

— Верьте в себя, верьте, что самое ценное у вас — голос.

Эту мысль Елена Эдмундовна педагогически — ненавязчиво, тонко — старалась повторять на каждом уроке.

Виктору иногда верилось, что он и впрямь обладает пусть технически несовершенным, но прекрасным голосом, но порой он опускал руки, решив, что вся затея Елены Эдмундовны — пустое дело: сколько полотно ни утюжь — шелком не станет. Спасала неистребимая потребность петь.

Виктор не отказывался от выступлений в концертах художественной самодеятельности, ездил в соседние города, колхозы. С каждым новым исполнением песни он получал больше и больше удовлетворения, чувствуя, как непосредственной становится исполнение. Но то, что случилось в Гомельском Дворце культуры, было для него неожиданным. Он пел арию Демона, любимейшую арию. Виктор увлеченно пел:

«...Я тот, которому внимала ты в полуночной тишине,
чья мысль душе твоей шептала...»

Виктор не слышал шума аплодисментов. Он стоял ни живой, ни мертвый и удивленно глядел в зал. Никогда не билось так тревожно и сладостно сердце.

— Неужели... Неужели?

Да, это, наконец, случилось. Виктору удалось впервые в жизни стать артистом в полном смысле слова — он сумел перевоплотиться в образ!

Потом он догадался уйти за кулисы. Его вызывали на сцену, поздравляли, и Виктор поверил в свой талант. Но вера родила беспокойство: ему надо совершенствовать свое исполнительское мастерство, а кто его правильно научит этому, кто? Он уже не так доверчиво, как прежде, относился к советам взявшей над ним добро-

вольное шефство Елены Эдмундовны, и та, заметив это, посоветовала:

— Вам, Виктор, уже можно учиться в консерватории... Можете, это и хорошо, что у вас появился свой взгляд, собственное мнение. Да медаль имеет две стороны: как бы все это не выродилось в самомнение. Берегитесь.

И вот Виктор Шаньков — студент Белорусской консерватории. С ним занимаются опытные мастера, педагоги Каринский, Швайко. Стоять свободно и петь на сцене очень трудно. Нужна тренировка.

— Талант — в технике исполнения. По утрам — дыхательные движения. Развивайте брюшной пресс, — наставляет Каринский.

— Не надо поднимать глаза к небу, когда вы поете, естественность и еще раз естественность. Пойте, забывая о технике исполнения, но пойте технически совершенно, — советует Швайко.

Долго не мог привыкнуть Виктор к театральной бутафории — к неживым березкам, к тусклому солнцу на шесте. «Разве можно петь во весь голос, видя такую мазню вместо весело шумящих берез, слепящего глаза солнца?» — думалось ему. А педагог, отгадывая его мысли, утверждал:

— Артист должен обладать большой силой фантазии. Конечно, живая природа скорее разбудит чувство восхищения миром. Но ведь солнце одно — его с неба не снимешь. И даже зритель примиряется с бутафорией. А уж об артисте и говорить нечего.

* * *

...Давно не был Виктор в родных местах. Уезжал — только петь пробовал — молодым петушком. А сейчас взмошел на пригорок, с которого, как на ладони, видна родная, погруженная в дремоту деревенька, вставший над нею бледно-розовый рассвет. Виктор вспомнил закат в лесу, у костра лесорубов, и улыбнулся той наивности, с которой он смотрел тогда на жизнь. Теперь он спел бы лесорубам сам, не ожидая просьбы. Песню петь — не мука, а радость. А радость нужно с людьми делиться. И захотелось ему запеть так, чтобы все село проснулось. И запел, запел во весь голос, над которым работал вместе с педагогами уже несколько лет. Не зря работал: куда тому петушину подбаску против установившегося, окрепнувшего баритона!

Заря разгоралась. Лучи еще не выглянувшего из-за горизонта солнца, прямые, алые, как на картине, вычерченные рукой художника, поднимались выше и выше.

В. КОСТЫЛЕВ.